

[Главная](#) > Еще раз о любви

Еще раз о любви|De l'amour, encore une fois

Автор: Надежда Сикорская, Женева, 29. 08. 2016.

Швейцарский писатель Алекс Капю

Роман швейцарского писателя Алекса Капю «Леон и Луиза» стал доступен русскоязычному читателю благодаря финансовой поддержке Швейцарского совета по культуре «Про Гельвеция».

Le roman d'Alex Capus Léon und Louise est maintenant accessible aux lecteurs russophones grâce à la Fondation suisse pour la culture Pro Helvetia.

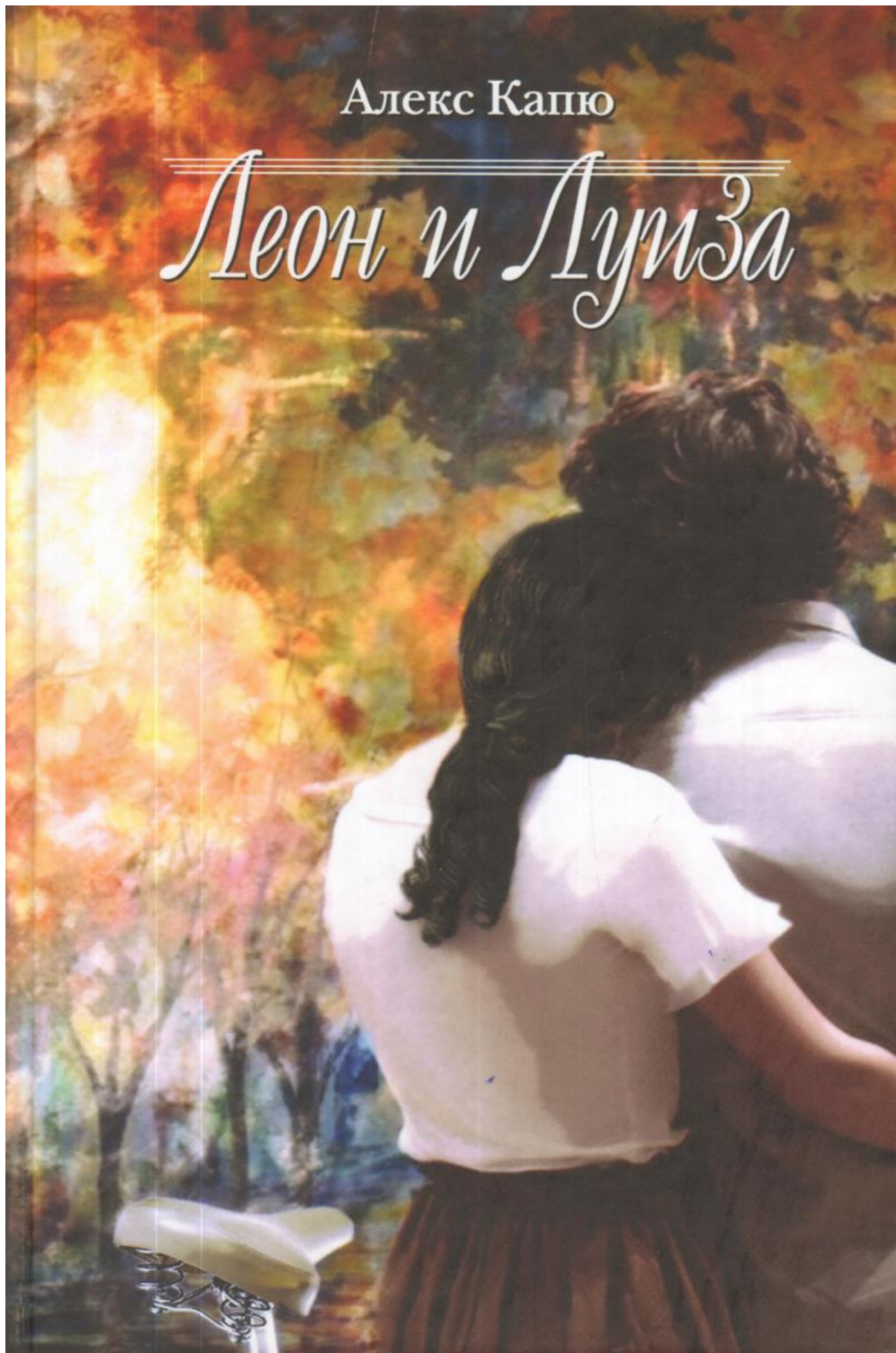
Если так пойдет и дальше, то 55-летний автор переплюнет по популярности у «нашей» аудитории самого Фридриха Дюрренмата! Напомним, что родившийся в 1961 году в Нормандии у парижского психолога-папы и швейцарской школьной учительницы-мамы, в 1967-м Капю переехал с матерью на ее родину. Изучал историю, философию и антропологию в Базельском университете, затем занимался журналистикой. В 1997 году вышел его первый роман, за которым потянулись другие, а с ними – вереница наград и премий.

Книги Алекса Капю выходят в русских переводах с завидной регулярностью. Мы уже [рассказывали](#) о детективе, опубликованном издательством «Текст», теперь поговорим о почти чисто любовной истории, вышедшей в 2015 году в издательстве «АрсисБукс» в переводе с немецкого Т. Набатниковой и М. Хафнер, а в запасе уже есть еще одно произведение. Но не будем забегать вперед.

Роман «Леон и Луиза» вызывает очень много ассоциаций. Ну как, увидев название, не начинать мысленно перечислять: «Тристан и Изольда», «Ромео и Джульетта», «Руслан и Людмила»... Да и сюжет не нов: любовный треугольник, встреча – разлука, судьба – не судьба. Ну и что же? Ведь каждый автор по-своему трактует схожие, казалось бы, жизненные ситуации, а уж насколько оригинальна эта трактовка, насколько увлекает и убеждает она читателя, насколько заставляет «примерить» ситуацию на себя, зависит от степени писательского таланта.

Алекс Капю

Леон и Луиза

У Алекса Капю талант точно есть, а потому описанная им история трагической любви длиною практически в жизнь не может не тронуть даже не самого романтически настроенного читателя. Как и в романе «Мистификатор, шпионка и тот, кто делал бомбу», автор умело вплетает в фикш многочисленные исторические факты, что добавляет тексту ощущение реальности, того, что так все и было на самом деле.

Действие охватывает период почти в 70 лет, за который человечество успело пережить две мировые войны. В кратком описании книги издатели указывают, что «это роман о настоящей любви, сильной, не поддающейся никаким водоворотам судьбы» и т.д. Мы не можем полностью согласиться с такой характеристикой. Да, любовь безусловно настоящая и сильная, но вот насчет того, что она не поддается... Увы, поддается, иначе бы не было трагедии, а с ней и романа, и не появлялась бы Луиза Жанвье на первых его страницах, как «та женщина» на похоронах ее многолетнего (многодесятилетнего!) не суженого возлюбленного, Леона Лё Галля.

... Они познакомились летом 1918 года, в конце Первой мировой войны. В небольшом французском городке Сен-Люка-на-Марне, где застенчивый юноша служит телеграфистом, он влюбляется в велосипедистку в блузке в красный горошек, с густыми черными волосами, обрезанными на одну длину от уха до уха. Этой влюбленности, на которую не сразу, но все же отвечает взаимностью Луиза, не суждено развиваться по трафарету: ухаживание, помолвка, свадьбы, дети. Счастливый конец – не для этой парочки, их едва начавшийся роман впервые обрывает немецкий артобстрел, оба считают друг друга погибшими.

Случайная встреча в парижском метро двадцать лет спустя озаряет их жизни яркой вспышкой, но ... начинается Вторая мировая война, Франция оккупирована, Леон без особого энтузиазма, но сотрудничает с немцами (к этому времени у него уже жена и дети, хоть автор и замечает, что «о Луизе он думает каждый день»), а Луиза – одинокая сотрудница Банка Франции, оказывается в Африке, где стережет золотой запас республики и пишет Леону пространные письма.

Но это факты, а что же чувства? Встретившись в Париже и узнав, что жизнь Леона вполне сложилась, Луиза категорически отказывается разрушать его брак. Более того, она запрещает ему пытаться встречаться с ней. Благородно? Безусловно. Но не надеялась ли она в душе, что он не последует ее наказу?

А что же он? Он честно признается жене Ивонне, что «встретил ту девушку». Ивонна, разумеется, восторга не испытывает, но, как говорится, проявляет определенную житейскую мудрость, входит в положение, не собираясь, впрочем, делиться мужем и предлагая ему покончить с этой историей раз и навсегда. Годы спустя она мелко отомстит ему, переспав со случайным знакомым, но в критический момент она повела себя так: «Его жена Ивонна не жаловалась. Когда он в то воскресное утро в последний раз поцеловал Луизу на площади Сен-Мишель, вышел из «торпеды» и поплелся на улицу Эколь, как приговоренный к смерти плетется к эшафоту, она сделала вид, что он вовсе не отсутствовал всю ночь дома <> Дверь квартиры стояла открытой, из кухни доносился аромат кофе, в когда он взял ее за руку и хотел приступить к объяснениям, она отняла руку и сказала: «Оставь, мы оба все хорошо знаем. Не надо зря тратить слова». Умно? По-своему, безусловно. Правильно ли?

А через какое-то время у них появился еще один ребенок и Леон понял со временем, что Ивонна победила не великодушием, а тем, что «присвоила его похождение, сделав его эпизодом их брака». «Ему стало понятно, что <> Ивонна на веки вечные принадлежит ему, и что такому высоконравственному человеку, как Леон, во времена кризиса и инфляции в

католической стране – такой, как Франция – было бы невозможно оставить своего первенца и свою богоданную, беременную на пятом месяце жену лишь на том основании, что он хотел искать счастья рядом с другой женщиной». Вот и все. Да, он продолжал мечтать о Луизе, но его реальностью осталась Ивонна, дети, быт. Высоконравственно? Да, наверно. А потому «неподдаваемость водоворотам» кажется нам преувеличением, по крайней мере, в отношении Леона. Луиза – другое дело, она-то действительно ждала до последнего. В итоге он не пожертвовал ничем, а она? Но это, разумеется, [женский взгляд](#) на вещи.

Нам показались интересными страницы романа, посвященные оккупированному Парижу и отдающим Кафкой описаниям преобразований, которые претерпела лаборатория научной службы Судебной полиции, директором которой был Леон. Картины первых беженцев, исправное информирование новых властей обо всех иностранцах, терпеливые муки несчастных... «Были миллионы красных карточек для регистрации иностранного населения по трассам дорог, миллионы серых карточек для учета по национальностям, миллионы желтых карточек для политической информации; на евреев, коммунистов и масонов велись отдельные карточки». Вам это ничего не напоминает?

И, конечно, невозможно не ужаснуться приспособляемости человека, читая такие строки: «Через несколько дней после вступления немцев в Париж волна самоубийств утихла, в город вернулся покой. <> В те дни казалось, что с немцами установилась почти нормальная повседневность». Со временем, правда, «Леон с ужасом замечал, что за тысячу дней оккупации ненависть росла в нем, как дерево». Однако продолжал жить.

Трогательно, в последней части романа, когда судьба вновь на время сводит Луизу и Леона, есть и русская нота. Их встречи проходили в порту Арсенал, на барке, владелец которой «имел пристрастие к русской литературе девятнадцатого века; на полках стояли Толстой и Тургенев, Достоевский и Лермонтов, а также Чехов, Гоголь и Гончаров». А значит – самые разнообразные истории о любви, о разбитых сердцах, о не скрестившихся судьбах...

От редакции: Подборку материалов о книгах швейцарских авторов, вышедших в русских переводах, вы найдете в [нашем досье](#).

Добавить комментарий

Пожалуйста, [войдите](#) или [зарегистрируйтесь](#) , чтобы отправить комментарий
